

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

ПОДСЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»

Китайское присутствие в Золотой Орде

Болдырева Екатерина Михайловна¹

Магистрантка

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: tofslo@mail.ru

Золотая Орда всегда считалась полиэтническим государством. В научной литературе господствует мнение о том, что доминирующим по численности было половецкое население, а монголы быстро растворились в покоренной ими этнической группе населения. На территории золотоордынских городищ и в погребениях золотоордынского времени часто обнаруживается инвентарь, регион происхождения которого связывается с дальневосточным регионом. В связи с подобной ситуацией актуальным становится исследование могильника Маячный бугор, расположенного в Астраханской области. По мнению С.А. Котенькова могильник датируется последней четвертью XIII-го до начала второго десятилетия XIV века (Котеньков, 2005, с. 43-44). Было учтено 261 погребение и выявлено процентное соотношение между наличием инвентаря и ориентировкой погребений по отношению ко всему комплексу. Наибольший интерес представляют около 14% погребений с восточной или южной ориентировкой, которые представлены богатым сопроводительным инвентарем.

Один из элементов сопроводительного инвентаря – серебряные и золотые монеты, обнаруженные в 12 случаях и в одном случае была найдена медная монета. Монеты зафиксированы во рту погребенных или в кистях рук. В нескольких случаях наблюдалось сочетание положения монеты и во рту и в одной или двух кистях рук. Следует обратить внимание на обычай, существовавший в Китае, где в рот или руки мертвым издревле было принято класть золото или другие драгоценные предметы. Монеты находят у погребенных цзиньских, суйских, танских и более поздних династий. Этот обычай зарегистрирован и в ранней буддийской традиции. На территории могильника зафиксированы погребения, в которых в области черепа были найдены серьги или бусины, которые возможно заменяли монеты. Значительное количество средневековых погребений, в которых место монет занимали серьги, перстни или другие предметы из драгоценных металлов открыто на территории Средней Азии и Восточного Туркестана (Костюков, 2006, с.189-190).

Зеркала были обнаружены в погребениях №93, 101, 106 1991 года, погребении №188 1993 года. Одно из них имеет фестончатый край и изображение дракона, а на другом изображены животные (леопарды?), идущие по кругу. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова подобная орнаментация восходит к китайским мотивам (Федоров-Давыдов, 1994, с.203). В погребении № 51 1995 года была обнаружена деревянная миска с орнаментом в виде цветка лотоса, что, во-первых, восходит к дальневосточным традициям, а во-вторых, на дне этой миски находится китайский иероглиф (Васильев, 1998, рис. 5,2).

¹ Автор выражает благодарность к.и.н. Васильеву Д.В. за предоставленные материалы и помощь в подготовке тезисов.

Серьги из погребений можно разделить на три типа: в виде «знака вопроса», и виде русской прописной буквы «б» и виде незамкнутых колец. И если серьги в виде «знака вопроса», по мнению были широко распространены и не имели определенной этнической принадлежности, то серьги в виде русской прописной буквы «б» свойственны материальной культуре чжурчженей (Шавкунов, 1990, с. 269).

Обращает на себя внимание наличие углей, золы или кальцинированных костей в погребениях. Учитывая этот факт, следует обратиться в В.Е. Ларичеву, который, основываясь на письменных источниках, утверждает, что «чжурчжени особенно торжественно хоронили родовых вождей и членов богатых и влиятельных семей. Им в жертву приносили любимых слуг и служанок, а также оседланных лошадей. И тех и других сжигали, а останки помещали в могилу» (Ларичев, 1998, с.57). Конечно, мы не можем с полной достоверностью утверждать, что использовался именно этот обряд, но факт наличия следов огня и кальцинированных костей позволяет нам сделать предположение о перенесении части этого обряда в монгольскую среду.

В погребении №93 1991 года был обнаружен деревянный гроб. Его верхняя крышка была раскрашена красками, а в центре изображен дракон, обрамленный по краям растительными узорами (Орфинская, Голиков, Лантрапова, Рудаков, 2006 с.169). Этот факт еще раз подтверждает связь населения данного региона с Китаем.

В погребениях обнаруживаются шелковые и парчевые ткани и головные уборы – боки. Бока считается традиционным головным убором кочевников эпохи Золотой Орды, но свое распространение она получила из Китая и на портретах императриц Юаньской династии в Китае тоже изображены боки. А традиция носить шелковые и парчевые халаты, наверное, тоже пришла из Китая. Доказательством данному предположению служат выводы О.Б. Лантраповой, В.П. Голикова, О.В. Орфинской, О.Ф. Владимирова, В.Л. Егорова, которые занимались полным комплексным исследованием погребения №51 1995 с полностью сохранившимся комплексом одежды и сопроводительного инвентаря. По данным их исследования предпочтительным регионом производства тканей является Китай. (Лантрапова, Голиков, Орфинская, Владимирова, Егоров, 2002, с. 233).

Исследованные погребения могильника имеют богатый сопроводительный инвентарь: значительная часть самого инвентаря имеет дальневосточное происхождение, в частности китайское. Характер инвентаря говорит об оседлом образе жизни и о знатности населения оставившего могильник, являющегося городским некрополем золотоордынского городища расположенного в окрестностях села Красный Яр. Узкие хронологические рамки позволяют нам сделать предположение о проживании на территории городища в этот период небольшой, знатной по происхождению группы населения, которая имела прямые связи с Дальневосточным регионом, а в частности с Китаем.

Литература

1. Васильев Д.В. (1998) Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
2. Лантрапова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. (2002) Исследование уникальных археологических памятников из собрания государственного исторического музея – комплексов одежд XIII-XIV вв. М.
3. Ларичев В.Е. (1998) Краткий очерк истории чжурчженей до образования Золотой империи // История Золотой империи. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН.
4. Костюков В.П. (2006) Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, №1-2.

5. Котеньков С.А. (2005) Нумизматический материал золотоордынского времени // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XIV веков. М.: Нумизматическая литература.
6. Орфинская О.В., Голиков В.П., Лантрапова О.Б., Рудаков В.Г. (2006) Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор-1 // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). М.
7. Федоров-Давыдов Г.А. (1994) Золотоордынские города Поволжья. М.: Издательство Московского университета.
8. Шавкунов Э.В. (1990) Культура чжурчженей-удиге XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука.

**Провинциальное и столичное археологическое сообщество
в письмах вятского родиноведа А.С.Лебедева (1888 - 1937)**

Ванюшева Ксения Викторовна

Студентка

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

vanksu@inbox.ru

В начале XX в. происходит становление профессиональной археологии и начало массового увлечения изучением местной истории. В столице и в провинции появляются инициативные люди, общественные организации, которые стремятся всесторонне изучить свой край. Одним из таких деятелей в Вятской губернии был А.С. Лебедев (1888-1937) – автор раскопок Пижемского городища, организатор Кукарского образовательного общества, один из основателей государственной архивной службы губернии, первый директор губернского музея местного края, руководитель библиотеки им. Герцена (1917 – 1922), директор Пермского краеведческого музея (1925 – 1929)[1]. Его деятельность по родиноведению (понятие тех лет, имевшее широкую трактовку от археологии до естественной истории) предполагала многочисленные контакты с другими учеными. Изучение сети научных коммуникаций дает информацию о развитии личности и взглядов ученого, об информационных и психологических условиях (обмен информацией, коллективная оценка научного труда) работы, взаимодействии провинциальных и столичных археологов.

Переписка ученых является богатым источником для исследования их коммуникаций, т.к. сама является свидетельством межличностного неформального общения, представляет в лицах археологическое сообщество начала XX в. Кроме того, переписка в то время была наиболее продуктивной формой научного общения, которая позволяла подробно и постоянно обмениваться знаниями, опытом работы и, главное, текущими проблемами. Современники отмечают, что А.С. Лебедев много писал и получал письма. В ЦГА УР хранятся письма А.С. Лебедева учредителям Сарапульского земского музея, председателю Общества изучения Прикамского края М.С. Тюнину (за 1909-1911), в ГАСО письма В.П. Бирюкову – уральскому краеведу (за 1924-1937), в библиотеке Хельсинского университета письма финскому археологу А.М. Тальгрёну (за 1911-1928). Эти материалы не только характеризуют вклад региональных активистов в развитие науки, но и демонстрируют влияние круга общения на становление личности провинциального ученого. Взглянем на археологическое сообщество глазами А.С. Лебедева, через его оценки, данные в переписке.

А.М. Тальгрёна в России «в родиноведческих и археологических кругах знают все». На него ссылаются и известные археологи, например, В.А. Городцов на заседании Московского археологического общества в докладе «О бронзовых культурах в

Европейской России» говорил, что «следует за Тальгреном в вопросе о возрасте фатьяновской культуры». И газеты оценивают труд «Родиноведение в Финляндии» как «в высшей степени поучительную для русской интеллигенции книгу». Кроме того, А.М. Тальгрэн верил и поддерживал начинающих ученых, таких как А.С. Лебедев, что немаловажно для будущего развития науки. Дружеские отношения с коллегами, представителями различных образовательных обществ позволяют получать необходимую литературу, оперативно обмениваться новостями, консультироваться, изыскивать возможности публикации и т.д.

А.А. Спицын обладал огромным авторитетом у молодых ученых, поэтому в переписке значимость археологического материала подтверждалась фразой: «кольцом заинтересовался Спицын». Кроме научного признания, глубокое уважение вызывали его человеческие качества: «дал слово (которое он держит) помогать Кукарскому обществу»[2].

В (уездном) г. Сарапуле Вятской губернии в 1910х гг. (глава земской управы) М.С. Тюнин создал организационную структуру для археологического изучения края. Общество и музей был центром изучением средней (юго-восточной) части Прикамья, в том числе Ананьинских древностей. Однако в работе случались и ошибки, в результате которых ценные материалы выкупались у местных крестьян «случайно заезжающими» людьми[3].

Н.Я. Сафроновым в 1913 г. написана «очень интересная» работа, которая будет ценным вкладом в литературу по родиноведению - «Очерки родиноведения в Польше». С 1915 г. он работает в Елабуге Вятской губернии заведующим внешкольным образованием, с целью «культивирования бациллы родиноведения на земской почве». «Этот опыт обещает огромные по своим последствиям результаты».

В Казани «молодой ученый» Б.Ф. Адлер объединил все археологические и этнографические коллекции Обществ при Казанском университете около общего учреждения - Географического кабинета. «Все приводится в надлежащий порядок». Работа Б.Ф. Адлера «заинтересовала и молодежь», даже П.А. Пономарев, уже давно не работавший в Археологическом обществе, «оживился» и занялся приведением в порядок собранных им коллекций. Деятельность Б.Ф. Адлера очень важна для края, как «новое течение», «серьезная попытка» создать в Казани центр по изучению Северо-востока России [2].

В.П. Бирюков - уральский краевед, директор Шадринского краеведческого музея, ученый секретарь Уральского бюро краеведения в Свердловске был другом и «частично сослуживцем» А.С. Лебедева. Их сотрудничество в 20х – начале 30х гг., обмен издания, дублетами из фондов музеев дало возможность обоим получить «много ценного по Камскому Приуралью»[4].

На протяжении жизни вокруг А.С. Лебедева формировалось научное сообщество, которое соответствовало его исследовательским интересам. Именно под влиянием круга общения, в силу накопленных знаний и опыта, провинциальный археолог приходит к пониманию необходимости более широкого взгляда на историю. Археология видится неотделимой частью краеведения, которое, в свою очередь, должно сыграть ключевую роль в деле возрождения России.

Литература

1. Жаравин В.С. Александр Лебедев, просветитель и краевед.- Киров, 2003 – 104с.
2. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрэну// Вестник Удмуртского университета. – Вып.2. – Серия «История и филология». – Ижевск, 2008. – с. 171 – 200.
3. ЦГА УР. Ф. 349. Музей Сарапульского земства.
4. ГАСО. Ф.Р-2266. Личный фонд Бирюкова В.П.

Языковые аспекты этнокультурной ориентации населения Южного Казахстана**Досымова Мугазима Казихановна***Магистрантка**Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы,**Республика Казахстан**E-mail: mugazima80@mail.ru*

Известно, что с принятием Республикой Казахстан Законов о национальной и языковой политике, закрепленной в Конституции республики 1995 г., за казахским языком закреплен статус официального государственного языка. В то же время в условиях многонационального Казахстана наряду с казахским языком язык второго по численности русского этноса выполняет роль языка посредника и языка межнационального общения.

Вместе с тем существование единого законодательного поля по языковым вопросам обеспечивает равноправные условия для свободного развития и функционирования всех языков проживающих в республике этносов. В настоящее время в Казахстане в функциональных целях используются около 130 языков, вне зависимости от удельного веса говорящих на нем этносов.

В условиях Южного Казахстана в силу его особой исторической и этнокультурной специфики, а сейчас в особенности роль казахского языка повысилась не только среди самих казахов, но и среди других контактирующих этносов, особенно тюркских - узбеков, татар, уйгур, азербайджанцев, турков и др. Следует особо отметить, что многие представители названных этносов свободно разговаривают на этом государственном языке, не говоря уже о родном. Так, по переписи 1999 г., в Южно-Казахстанской области на владение государственным казахским языком указали 78,1% татар, 80,3% узбеков, 81,0% турков, 82,3% азербайджанцев. Заметно растет степень владения этим языком среди восточнославянских этносов. Например, данный показатель среди русских и украинцев составил соответственно 30,0-31,4%, что вдвое выше, чем в целом по республике (Национальный состав, 2000, с. 6).

В этой связи особый интерес представляет исследование функционирования казахского и других языков и их место в сфере культурной жизни населения изучаемой Южно-Казахстанской области. В контексте поставленного вопроса особый интерес представляет функционирование языков основных этносов в сфере средств массовой информации - в периодической печати, на радио и телевидении, которые в силу своей доступности и информативности пользуются наибольшим спросом в духовном потреблении как городского, так и сельского населения, вне зависимости от этнической принадлежности.

Очень высоко у исследуемых этносов - казахов, узбеков и русских использование родного языка при чтении газет и журналов. Здесь не играет особой роли зависимость от социально-профессиональной, половозрастной принадлежности респондентов. Так, в г. Туркестане Южно-Казахстанской области данный показатель составляет в ответах респондентов указанных этносов соответственно 68,2 - 50,8 - 95,7%, а у казахов и узбеков Туркестанского района - 79,6% и 59,5%. На втором месте находится у казахов как в городе, так и на селе использование родного и русского языков (28,2 - 17,8%), а у узбеков - родного и казахского языков (36,5-35,3%), идентичный показатель зафиксирован и у русских в городе. Третье место у двух первых этносов занимает чтение на русском языке.

Определенный интерес представляет обращение к родному языку при чтении книг, как художественных, так и специальных. Например, казахских, узбекских и русских читателей, использующих только родной язык по г. Туркестану насчитывается 67,5 - 61,2 - 97,8%, а в сельской среде среди казахов и узбеков этот показатель еще выше, соответственно 82,9 - 68,8%. На втором месте у казахов в городе и в селе находятся

последователи казахско-русского двуязычия (23,9-3,2%) и потом - русского одноязычия. У узбеков в городе отдают предпочтение русскому языку 28,0%, а в селе, наоборот, национально-казахскому двуязычию - 26,0%. На последующих местах у них среди респондентов-горожан находится узбекско– казахское двуязычие, а у сельчан - русский язык. Если обратиться к респондентам из числа русского этноса, то у них второе и третье места занимают национально-казахское двуязычие и казахский язык.

Книг в личной библиотеке на родном языке в городе и на селе у казахов насчитывается 50,0 и 69,4%, у узбеков - 42,8 и 54,6%, у русских - 77,8%. У казахов затем следуют книги на родном и казахском языках (24,8 - 25,9%). На последующих местах у всех трех контактирующих этносов расположены языковые предпочтения, присущие чтению периодической печати.

Определенный интерес представляют ответы респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень телепередач на казахском, узбекском и русском языках?» И здесь требования респондентов очень высокие. Так, лишь 36,5% горожан-казахов оценили уровень телепередач на казахском языке как очень интересные. Идентичные ответы узбеков и русских составили 23,0 и 9,5%. Чуть выше эти показатели среди сельчан - казахов и узбеков, соответственно, 44,0 и 29,0%. Большинство респондентов остановились на ответе «иногда интересные», соответственно, 53,4 - 51,2 - 41,0% и 43,2 - 47,1%.

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о достаточно интенсивном освоении контактирующими этносами современной культуры. В то же время в языковом потреблении, усвоении сказывается исторически сложившаяся этническая специфика. В культурной жизни указанных этносов при всей их ориентации на национальный язык наблюдается активный интерес и к другим языкам.

Литература

Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.2. Население РК по национальностям и владению языками /Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Стат. сборник. - Алматы, 2000. -С.6; Итоги переписи населения 1999 г. по Южно-Казахстанской области. Стат. сборник. Т.2. - Алматы, 2000. - С. 37.

Этносоциологическое исследование населения г. Туркестана и Туркестан-ского района Южно-Казахстанской области было проведено в 1998 г. Всего было опрошено около 3 тысяч респондентов из числа казахов, узбеков и русских. Материалы хранятся в Центре археологии и этнологии МКТУ им.Яссауи (г.Туркестан).

Мирское судопроизводство в контексте обычного права чувашского этноса

Егоров Дмитрий Владимирович

аспирант

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

E-mail: egorov2202@mail.ru

В последние годы научные исследования в сфере обычного права народов России значительно активизировались. На наш взгляд, одной из приоритетных проблем этнологической и правоведческой наук является проблема фиксации и введения в научный оборот этнических обычаев. Обычай, как один из источников права, имеет прочный фундамент и мощный регулятивный потенциал и по сей день. В связи с этим представляется актуальным изучение обычно-правовых норм, юридического быта и правосознания различных этносов. К тому же, региональная историография по этим вопросам имеет лишь спорадические исследования.

Обычное право чувашей являлось эталоном традиционной правовой культуры, поведенческим императивом, совокупностью этнонормативных правил, значимость

которых в народном правосознании была огромной. Чуваши сформировали комплекс самобытных норм поведения, регулировавших имущественные, земельные, трудовые, семейно-брачные отношения, включая гражданские и уголовные преступления. Реформа 1861 г. де юре признала наличие в крестьянской среде особых форм этнического правосудия, действовавших на основе обычно-правовых норм, однако с оговоркой – в избрании судей должна была участвовать вся волость (Российское законодательство, с. 57). Крестьянским судом официальной инстанции стал волостной суд.

Регулятором норм обычного права выступала сельская община, которая пользовалась существенной компетенцией в разрешении целого спектра вопросов. Мирское (общинное) судопроизводство чувашей, в основном, существовало в следующих формах: суд старосты, суд стариков, суд сельского схода и самосуд. (Никольский Н.В., 2004, с. 84). Эти органы этнического правосудия были ориентированы, в первую очередь, на достижение примирения и компромисса между крестьянами в возникавших между ними коллизиях.

В компетенцию суда сельского старосты входили мелкие земельные правонарушения (потравы, нарушение межи), кражи, семейные разногласия и др. После отмены крепостного права в деревне действовал своеобразный феномен «двоевластия»: «законодательная» (периодически созывавшийся сельский сход) и «исполнительная» (подразделение всех должностей на две категории: «законодательные» и сохранившиеся в общинах по традиции). Сельские старосты стали заниматься, в основном, административными обязанностями, в то время как традиционные направляли хозяйственное развитие и контролировали нравственные отношения крестьян (Кучумова, 1992, с. 28-29). Староста должен был иметь колоссальный опыт и быть приверженным кодексу народной морали. За маловажные проступки сельский староста мог подвергнуть виновных к различным наказаниям: назначению на общественные работы до двух дней, денежному штрафу до 1 рубля или аресту до двух дней. Падению авторитета сельского старосты способствовало введение в 1889 г. института земских начальников.

Суд стариков в крестьянской среде пользовался большим пиететом. В нем участвовали наиболее опытные люди в деревне, прекрасно знавшие народные обычаи и традиции. Они, как правило, избирались в определенном числе для урегулирования различных конфликтов или приглашались сельским старостой для рассмотрения дел крестьян-общинников в индивидуальном порядке. Вследствие развития капитализма в стране суд стариков постепенно терял свое прежнее влияние на мирские дела. Повышалась роль молодых крестьян (НА ЧГИГН, ед.хр. 174, с. 283). Тем не менее, роль стариков в общественной жизни чувашей оставалась существенной.

Крестьяне высоко оценивали совещательный принцип сельского схода. Мирской приговор, принятый в результате обсуждения на суде сельского схода, был обязательным для каждого члена общины. Несмотря на положение 19 февраля 1861 г., по которому была определена компетенция сельского схода, в действительности же он выходил за ее рамки: решал не только гражданские, но и уголовные дела, постановлял судебные приговоры, иногда вмешивался в частную жизнь общинников.

Чуваши все спорные вопросы предпочитали разрешать в своей общине, не прибегая к разбирательству в волостных судах (Денисова Н.П., 1987, с. 92). Конечно, каждый общинник мог остаться недовольным приговором и апеллировать в волостной суд, но такие люди получали в обществе репутацию «сутяг» и «кляузников» (Зырянов П.Н., 1982, с. 256). Однако постепенно общественная значимость суда сельского схода стала падать и альтернатива постепенно переходила в сторону волостного суда.

Одной из самых эффективных форм мирского правосудия чувашских крестьян был самосуд – самочинная расправа с провинившимися без ведома органов государственной власти и без использования норм действующего законодательства. После самосуда на

преступника, его семью и родственников ложилось позорное пятно на всю жизнь. К такому суду подвергались воры, конокрады и лица, совершившие порубки и потраву в общественном лесу или полях (НА ЧГИГН, ед.хр. 268, с. 387). В процессе самосуда, как правило, на спину вора привязывали краденую вещь и водили по улицам деревни в сопровождении народа, всячески насмехаясь над ним и нанося удары по телу (НА ЧГИГН, ед.хр. 167, с. 197). С точки зрения чувашского крестьянства, лишь общинная расправа способна была дать преступнику должное возмездие.

Судя по проведенному исследованию, у чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. функционировали особые мирские суды, игравшие огромную роль в общественной жизни крестьянства. Порой они шли в разрез с позитивным правом, разбирая как гражданские, так и уголовные дела. Наряду с интенсивным развитием государственного права в пореформенный период, чувашское крестьянство продолжало руководствоваться нормами обычного права. Сохранение обычного права и мирского судопроизводства углубляли сословную и правовую обособленность крестьянства, способствовали консервации архаизма крестьянской жизни. Разносторонняя сфера применения обычаев в повседневной жизни чувашского этноса свидетельствует о значении правового обычая как квинтэссенции крестьянского социума.

Литература

- Денисова Н.П. (1987) Обычное право чувашской крестьянской общины // В сб.: Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары.
- Зырянов П.Н. (1982) Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.) // Исторические записки. М.: Наука. Т. 107.
- Кучумова Л.И. (1992) Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М.: Знание.
- Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед.хр. 167. Этнография.
- НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед.хр. 174. Этнография. Фольклор.
- НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед.хр. 268. Этнография. Фольклор.
- Никольский Н.В. (2004) Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш.кн.изд-во. Том. I.
- Российское законодательство X – XX веков. М.: «Юридическая литература», 1989. Т. 7. Документы крестьянской реформы.

К динамике изменения состава предметов личного благочестия населения Пскова и Псковской земли

Колтакова Юлия Вячеславовна

Старший преподаватель, к.и.н.

Псковский государственный педагогический университет имени С.М.Кирова, Псков, Россия

E-mail: pskov-sova@mail.ru

В настоящее время, во многом благодаря археологическим раскопкам в научный оборот введено свыше 660 псковских предметов личного благочестия кон. X–XVIII вв. Более 370 из них имеют обоснованные стратиграфические даты, что позволяет не только выработать валидную типологию регионального значения, но и сделать ряд наблюдений по динамике изменения состава этой категории археологических находок.

Предметы личного благочестия населения Пскова и Псковской земли в своем развитии прошли ряд стадий, которые выразились в постепенной смене шести поколений вещей. Эти изменения были обусловлены целым комплексом причин, как экономических и политических, так и собственно религиозных.

Важной границей в динамике изменения состава этой категории стал рубеж XIV–XV вв. – 1-я пол. XV в., время появления первых крестиков с сюжетом Голгофы и

текстом молитвы. Впервые на предметы личного благочестия начинает помещаться длинный текст, превращая их из вещественного источника в вещественно-письменный.

Переворот в типовом составе предметов, в ходе которого доминирующее положение занимают предметы культа с изображением Голгофы, происходит постепенно. Новый сюжет первоначально завоевывает позиции в орнаментации разных категорий. Наблюдаются иконографические параллели в оформлении янтарных, костяных крестиков, иконок. Изменения, в целом, проходили в тесной связи с развитием иконописи, книжной миниатюры, церковных текстов, прикладного искусства.

Унификация, произошедшая в сфере предметов личного благочестия, находит аналоги в явлениях живописи. В 1-й четверти XV в. в развитии местной художественной традиции происходит поворот к тенденциям нивелировки индивидуального начала и ослабления роли творчества конкретных мастеров, результатом которого становится укоренение нескольких унифицированных манер письма (Лифшиц, 2004, с. 437). Эти тенденции объясняются целым комплексом причин. Усиление духовной цензуры со стороны митрополита в ответ на еретическое движение стригольников, укрепление государственной власти, ретроспективные тенденции в общественном сознании и культ «своей старины» - все это, по мнению исследователей, повлияло на развитие живописи. Те же причины могли повлечь и обращение ремесленников в поисках «подлинно старинного» образца к памятникам культовой живописи, восходящим в народном сознании к колыбели православия - Корсуни. Так кресты, изображенные в руках святых на фресках и иконах, прочно заняли место на предметах личного благочестия. Наряду с этим, в XV в. расцвета достигает местное искусство мелкой каменной пластики, а развитие литейного дела или торговли позволяет обеспечивать огромное разнообразие тельников в пределах общего канона.

Одновременно происходит осмысление тельника не как знака креста, а как изображения конкретного креста, на котором был распят Христос. Эту особенность крестов XV-XVI в., наряду с их «неустойчивой» формой, коррелирующей с периодом социальной нестабильности, впервые отметил Ю.М. Лесман (1997, с.35).

С кон. XVI в. Псков становится центром Псковского и Изборского епископства. В XVI-XVIII в. появляются крупные иконки с многофигурными композициями и щитком, прикрывающим ушко, и иконки-складни. В позднее время увеличивается не только декоративная, но и смысловая нагрузка предметов личного благочестия. Символика предмета становится многоуровневой, различные уровни смысла несет форма, помещенные изображения и сюжеты, текст. Поздние иконки-складни не ограничиваются изображением отдельных святых, а по своей композиции начинают напоминать иконостас. Складень концентрированно содержит в себе образ носимой в себе церкви. Это навязчивое помещение широкого круга святых на предметы личного благочестия в виде устоявшейся композиции Деисуса созвучно с концепцией церкви и государства со строгой системой централизации и подчинения. Наряду с этим, вероятно, рождается концепция нательного креста как средоточия Священного Писания.

Сходные процессы проходят и в иконографии наперсных крестов и энколпионов. Центральное изображение отягощается дополнительными фигурами в медальонах на концах лопастей, развернутыми подписями. Боковые поясные изображения, как и в створках складней, копируют фигуры предстоящих с памятников живописи. В XVII-XVIII вв. при сохранности символической композиции начинает модифицироваться внешний контур и техника украшения нательного креста. Декор некоторых голгофских тельников старых типов обогащается эмалевыми узорами и инкрустацией, и появляются так называемые «девичьи», «женские», «мужские» (широколопастные) тельники, кресты с процветшими лопастями и т.д.

Эти особенности мелкой пластики являются свидетельством важного изменения в религиозном мировоззрении. В XVI в., вероятно, в народном сознании окончательно

утверждается идея единственно верной модели взаимоотношений с Богом посредством церкви. По мнению Е.А.Рябина, в 30-40-е гг. XVI в. разрушается «неустойчивый компромисс между идеологическими системами», каковым было «двоеверие» («народное христианство»), и после разгрома местных святилищ христианство окончательно завоевывает ижорские и чудские земли на северо-западе Новгородской земли (Рябинин, 1989. с. 30). Возможно, также в это время христианство, полностью переработав, вбирает в себя без права на самостоятельность все религиозно-бытовые традиции язычества (т.н. «суеверия») и начинает активно вырабатывать собственную, специфически христианскую низшую мифологию. Одной из черт этого явления становится нанесение отрывков священных текстов на крест, а художественным отображением данного процесса становятся эти «многоголовые» произведения христианской материальной культуры. Тесно прижатые друг к другу фигуры заполняют поверхности боковых створок иконок, края энколпионов, поверхности костяных и деревянных резных крестов. Не случайно проявление этой художественной традиции приходится на своеобразный русский «золотой век». В Европе наиболее широкий пантеон святых характерен также для XIII в., периода расцвета средневековых социальных институтов. Со временем этот культурный импульс ослабевает и начинается вырождение «многоголового» стиля. Молитвы на «голгофских» крестах в результате многочисленных некачественных оттисков становятся нечитаемыми, и в массовом порядке читаемый текст возвращается на предметы личного благочестия лишь с распространением технологии штамповки.

До сих пор делались попытки объяснить новации конца XIV-XVI вв. в мелкой пластике лишь религиозными или политическими причинами, связанными с изменениями в идеологии. Не следует исключать и возможности социально-экономической подоплеку, которая могла выразиться в возникновении ремесленных объединений. В этом случае работа по определенным шаблонам может объясняться не давлением церковных норм, а влиянием внутрицеховых решений или постановлений.

Литература

1. Лифшиц Л.И. (2004) Очерки истории живописи древнего Пскова. М.
2. Лесман Ю.М. (1997) Устойчивость формы новгородских подвесок (материалы к изучению эволюции древнерусских украшений //Археология Петербурга, II.
3. Рябинин Е.А. (1989) От язычества к двоеверию //Православие в Древней Руси. Л.

Историко-культурный ландшафт в археологии: к вопросу о понятии

Ларионова Елена Леонидовна

Студентка

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

E-mail: funtia85@list.ru

В настоящее время все большее внимание уделяется охране целостных историко-культурных и природных территориальных комплексов, включающих в себя: отдельные памятники и их ансамбли; исторические типы застройки и объекты ландшафтной архитектуры; природно-технические системы; биоценозы, другие объекты, демонстрирующие взаимодействие и взаимообусловленность природных и культурных объектов, явлений и феноменов. Именно такие образования составляют один из наиболее сложных объектов историко-культурного наследия, относящийся к категории “культурный ландшафт”.

Понятие “культурный ландшафт” в качестве категории культурного наследия пока не введено в российское законодательство о культуре, поэтому оно не несет какого-либо определенного юридического смысла. В то же время в 1988 г. Россией ратифицирована

Конвенция о Всемирном природном и культурном наследии, в Руководящих указаниях по применению которой в 1992 г. понятие “культурный ландшафт” было выделено в качестве самостоятельной категории (Охрана и использование культурных ландшафтов, 2008). Кроме того, Земельный кодекс РФ выделяет такие категории земель как земли особо охраняемых территорий, а именно земли историко-культурного назначения (Земельный кодекс РФ, Ст.94, ч.1), которые отчасти включают и историко-культурные ландшафты. Необходимо отметить, что в обществе наблюдается осознание ценности культурного ландшафта как феномена наследия.

Культурный ландшафт — исторически равновесная система, в которой природные и культурные компоненты составляют единое целое, а не только являются фоном или фактором воздействия одного элемента этой системы по отношению к другому. Культурный ландшафт понимается как результат совместного творчества человека и природы, включает в себя и обеспечивает взаимодействие статичных (памятники культуры) и динамичных (живая культура) проявлений культурной жизни. Он иллюстрирует эволюцию человеческого общества под влиянием условий природной среды и социальных, экономических и культурных процессов.

В качестве культурно-ландшафтных феноменов рассматриваются дворцово-парковые ансамбли, дворянские усадьбы, монастырские комплексы, поля сражений, археологические комплексы, исторические сельские, городские и заводские ландшафты (Культурные ландшафты, 2008).

В международной практике фигурируют три подхода к ландшафту как к объекту наследия. Первый подход ориентируется на рукотворные (целенаправленно созданные) ландшафты, которые имеют четкую планировочную композицию, их облик максимально подчинен творческому замыслу их создателей. В них много рукотворных элементов, изменивших или сменивших природные образования. Это ландшафты поселений, садов, парков.

Второй подход рассматривает так называемые эволюционировавшие ландшафты, где природные процессы несколько изменены в результате целенаправленных длительных воздействий. Природные компоненты ландшафта адаптируются к этим воздействиям, в результате чего формируется ландшафтный комплекс, где сложным образом переплетаются процессы эволюции природы и творческой деятельности человека. К такому типу можно отнести сельские и отчасти исторические заводские ландшафты.

Третий подход выделяет ассоциативные ландшафты, к которым могут быть отнесены природные ландшафты, обладающие культурной ценностью, и связью с историческими событиями, личностями, художественными произведениями. В ассоциативных ландшафтах культурная составляющая часто представлена не в материальной, а в ментальной форме (Зайцева, 2001, с. 40).

В целом, в науке пока нет единого, устойчивого определения понятия историко-культурный ландшафт. Поэтому данный феномен активно анализируется с различных позиций. Если рассматривать его сквозь призму археологии, становится очевидным выделение целого направления в данной области.

Понятие историко-культурный ландшафт может быть применимо по отношению к различным категориям археологических комплексов.

На более локальном уровне - это ландшафты отдельных объектов, таких как, например, укрепленные поселения (городища) и комплексы курганных насыпей. Здесь явно проявляется, во-первых: целенаправленное изменение природного ландшафта со стороны человека, во-вторых: подстраивание человека под имеющиеся в природе ландшафты, в-третьих: подобные микро-ландшафты являются рукотворными и зачастую контрастно выделяющимися на фоне окружающих их естественных ландшафтов.

На подобном же уровне сквозь призму археологии можно рассматривать сельские, монастырские, городские и заводские ландшафты. Дело в том, что достаточно новыми и актуальными направлениями современной археологии являются такие как этноархеология, «городская археология», церковная и промышленная археология. Данные направления (в рамках комплексного подхода) по существу также исследуют локальные историко-культурные ландшафты. Так - на основе письменных, устных и других источников, с помощью методов археологии этноархеология и промышленная археология исследуют и реконструируют ландшафты сельских поселений и заводских производств, прекративших свое существование относительно недавно - в период нового и новейшего времени.

В более широком смысле понятие культурный ландшафт может быть применимо по отношению к археологическим культурам или культурно-историческим общностям, несмотря на искусственную природу данных категорий. Археологическая культура - ареал распространения на относительно локальной территории сходных по материальной культуре памятников. В данном случае территория распространения определенной археологической культуры может рассматриваться как историко-культурный ландшафт формирования и развития той или иной народности или этнической группы.

Таким образом, историко-культурный ландшафт - это достаточно широкое понятие, которое сформировалось в результате междисциплинарного подхода во второй половине XX в. В настоящее время оформляется целый ряд научных подходов в понимании данной категории. В связи с этим историко-культурный ландшафт одновременно может выступать предметом изучения различных дисциплин, например, историческая география, этнология, археология и др. Культурный ландшафт - это новое, еще до конца не изученное явление. Поэтому нельзя исключать и возможность институционализации в ближайшем будущем отдельной отрасли научного знания, объектом изучения которой станет феномен историко-культурного ландшафта.

Литература

1. Зайцева Г.А. (2001) Управление культурными и экологическими проектами музеев-заповедников: особенности, проблемы, перспективы // Экологические проблемы сохранения историко-культурного наследия. М., 2001.
2. Культурные ландшафты (2008) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.biodiversity.ru/publications>.
3. Охрана и использование культурных ландшафтов (2008) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.parkugra.forest.ru>.
4. Российская Федерация. Кодексы. Земельный кодекс РФ: последняя редакция. М., 2007.

Императорские манифесты как идеологический инструмент мобилизации этничности в годы правления Николая II

Матвеев Александр Валерьевич

Аспирант

Вологодский государственный педагогический университет, Вологда, Россия

E-mail: matveev.alex@inbox.ru

Проявившиеся на рубеже XIX–XX веков социальные, политические и экономические кризисные явления представляли реальную угрозу существованию российской государственности. В складывающихся обстоятельствах сплочение общества становилось средством и условием дальнейшего существования государства. Одним из наиболее эффективных способов такого сплочения могла быть мобилизация на основе этнической идентичности. Установить, прибегала ли императорская власть к

организации этничности как инструменту общественной консолидации, - главная задача работы.

Мобилизация властью этничности с целью формирования определенной этнополитической ситуации предполагает актуализацию в политической риторике своеобразных «символов» или «маркеров» этничности, т.е. этнических характеристик, которые осознаются (или с точки зрения власти должны осознаваться) членами этноса, как присущие своей общности. Наличие подобных индикаторов этничности в массовых источниках официального происхождения могло бы показать, прибегала ли власть к попыткам этнической мобилизации.

Основным источником в данной работе являются императорские манифесты. Для того, что бы реализовать поставленную в работе задачу, было рассмотрено несколько аспектов их содержания.

I. Содержание этнополитической риторики всегда определяется основным объектом ее воздействия. Манифесты имели общегосударственный статус, предназначались для всех российских подданных, к числу которых, кроме коренного православного русского населения, относились «инородцы» и «иноверцы». При этом риторика манифестов дает понять, что под «верными Нашими подданными» (с обращения к ним начинается каждый манифест) подразумеваются православные русские подданные. Это всегда подчеркивалось посредством фразеологии текста, т.е. выражений, обладавших определенной этноидеологической окраской – этнических идеологем.

Коренное русское население Империи становилось главным адресатом реализуемого в манифестах властного послания, а «инородцы» и «иноверцы» властной риторикой игнорировались (кроме манифестов, специально посвященных инородческому населению). И стилистически и содержательно приоритет русских над всеми остальными народами подчеркивался особо. Слово «русский» в официальных документах не означало любого подданного Империи, а указывало, на этническую принадлежность. Одновременно подразумевалось, что каждый русский – это подданный Российской Империи, православный и носитель свойственных своему народу «характеристик».

II. Основная характеристика русского народа, встречаемая в источниках, включает в себя сразу три формы групповой принадлежности – религиозную, территориальную и государственную. Именно они становятся главными маркерами этничности русских, рассматриваются во властной риторике как исконно присущие, «архетипические» черты русского народа.

Манифесты заведомо подразумевали, что религиозная принадлежность русского народа - есть его «априорное» свойство. Фактически, понятие «русский» становилось в политической риторике синонимичным понятию «православный». Данный этнический маркер использовался постоянно.

Особой актуализации в политической риторике всегда подвергалась государственно-территориальная принадлежность русских. Важнейшей чертой политической риторики рубежа XIX-XX веков, связанной с актуализацией территориально-государственной принадлежности, была ее установка на слияние этнического чувства русских с чувством патриотизма, при этом подчеркивались достижения, заслуги русского народа, как государствообразующей общности. Самодержавная форма правления вообще объявлялась исконно присущей, «своейственной» «народу русскому».

III. Для того, чтобы выяснить проводила ли официальная власть осознанную интенсивную политику этнической мобилизации и установить в какой степени власть прибегала к этномобилизационной риторике, мы обратились к манифестам,

посвященным наиболее напряженным, зачастую драматическим событиям начала XX века.

Основное свойство всех этих манифестов – насыщенность этноидеологемами. В обычных манифестах этнически окрашенные выражения употребляются в меньших количествах. Одним из основных содержаний таких манифестов становится формирование представлений о способности к преодолению трудностей на основе единого народного сплочения. Сохранение присущих русскому народу «качеств», «родной старины» объявлялось главным условием «преодоления» кризисов, а их потеря – причиной этих кризисов. Еще одна тенденция – это стремление к объяснению отдельных событий, например войны, этническими интересами русских.

Таким образом, очевидно, что этномобилизационный компонент во властной риторике на рубеже XX – XX веков, присутствовал и, более того, в наиболее критические периоды истории его интенсивность значительно увеличивалась. При этом необходимо отметить, что основной набор индикаторов этничности, положенный в основу этномобилизационной риторики, т.е. те формы принадлежности, на основе которых должно было формироваться осознание русской идентичности, отличается своим «надэтническим» характером. Это дает нам возможность сделать предположение, что императорская власть на основе идентичности этнической стремилась сформировать идентичность иного типа – национальную (в данном случае под нацией мы понимаем «согражданство»).

Источники и литература

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Вологодские епархиальные ведомости. №15, 1914; №16, 1914; №21, 1914.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. XIV – XXXIII (1894 – 1913).

Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003.

Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. №6, 1994.

Происхождение, право наследования и брак в Японии в эпоху Хэйан

Новосельцева Татьяна Леонидовна

Соискательница

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
исторический факультет, Екатеринбург, Россия.*

E-mail: novoseltseva1983@gmail.com

В эпоху Хэйан, *удзи*, часто называемый термином «клан», оставался наиболее полной категорией родства. К этому периоду, членство в клане стало определяться исключительно по линии со стороны отца. Собственно *удзи* по большей части перестал сильно влиять на политику и повседневную жизнь аристократии. В то же время, различные его сегменты приобрели весомое значение. Есть некоторые признаки, указывающие на то, что *удзи* и его наиболее крупные сегменты продолжали сохранять за собой отдельные корпоративные функции, оставаясь политически значимыми. Кодексы начала восьмого века выстроили систему девяти придворных рангов, а родственные связи по отцовской линии в большой степени определяли возможности получения ранга.

Соревнование между агнатами, состоящими в близком родстве, выражалось через политику брака и рождения детей. Это также указывает на то, что членство в *удзи* Фудзивара все еще имело значение, пусть даже политическое. Конкуренция среди агнатов была ожесточенная именно потому, что спорщики были близкими родственниками и чувствовали себя в равной степени достойными привилегий, за которые они боролись. Существовала схема наследования, включившая в себя две

основные модели: право наследования передавалось от отца к сыну, либо от старшего брата к младшему брату, либо второстепенным родственникам. Все это создавало условия, в которых постоянно происходили дебаты и ссоры вокруг права наследования.

Стабильность права собственности и наследования у женщин, а также преобладание уксорилокальных браков, показывает, что возможность существования матрилинейного наследования в исследуемый период следует как минимум рассмотреть. Женщины сохраняли более тесные связи со своими натальными семьями – в уксорилокальном браке они никогда их не покидали. Тем не менее, если бы только женщины получали право наследования матрилинейно, можно было бы оспорить предположение, что Хэйанская система на самом деле не состояла из двойного наследования, поскольку право наследования для мужчин считалось только патрилинейным. Уильям Маккалоу, по всей видимости, предполагал именно это, когда писал, что даже если мужчина вступает в брак уксорилокально, он продолжает оставаться членом своего натального клана, и «ни в коем случае не становится наследником отца своей супруги»¹. Но были обстоятельства, при которых зять становился наследником тестя. То есть наблюдалось наследование по материнской линии и матрилокальные браки, в которых локальные наследственные группы сформированы так, что порядок и право наследования мужчин переходило от тестя к зятю. Другими словами, создавалась локальная линия не по родовому признаку, а через родство по супруге. Последовательные браки по материнской линии с зятем, как правовым наследником рода тестя.

Подобная комбинация наследования от матери к дочери и передача локальной власти от тестя к зятю может составлять нечто, напоминающее матрилинейную систему в чистом виде, даже с учетом того, что фамилии и членство в *удзи* передаются по отцовской линии. Право наследования включало передачу имени, а связка уксорилокального брака и наследования резиденции по материнской линии, как минимум напоминает матрилинейное наследование. Хэйанская литература также предоставляет некоторые свидетельства, которые указывают на существование родственных связей, более похожих на матрилинейные схемы, особенно связи между дядьями по материнской линии и детьми их сестер.

Следует также сказать несколько слов касательно брака. Бракосочетания удобнее рассматривать как альянсы между отцами супругов с обеих сторон. Это достаточно четко просматривается на примере брака Такахимэ, дочери принца крови, и Ёримити, сына и будущего наследника Фудзивара Митинаги. Многие аристократы позволяли себе проявить нетерпение в том, чтобы Ёримити стал их зятем. Но прежде, чем что-либо было решено, была предпринята попытка завязать контакт со стороны принца Томохира от лица своей дочери Такахимэ. Митинага провозгласил, что идея снизойти до мыслей о Ёримити будет для него величайшей честью, и что он принимает предложение со всем возможным уважением. «Карьера мужчины всецело зависит от семьи его супруги, - сказал он сыну. - Этот дом и в самом деле занимает очень высокое положение; я думаю, что для тебя будет лучше всего взять супругу из этого дома»².

Свадебный пир, или *tokogawashi*, который состоялся несколькими днями позже, ритуально подтверждал уксорилокальный характер брака, поскольку был публичным объявлением принятия мужчины в семью его жены и началом его проживания в их доме.

1. McCullough W.H. Japanese Marriage Institutions in the Heian Period // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 27. 1967. P. 111

2. William H. And Helen Craig McCullough. A Tale of Flowering Fortunes: Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period, Stanford U.P. 1980. P. 123

Кто-то из старших членов семьи символически находил жениха и заставлял его принять пищу, приготовленную на домашнем очаге, включая его тем самым в семейство.

Домашнее обустройство Такахимэ и Ёримити тоже имеет значение, так как ясно показывает тесные связи, которые существовали между уксорилокальностью и дуолокальными и неолокальными браками. В «Эйга-моногатари» рассказывается о том, что Томохира построил новую резиденцию для молодых супругов. Таким образом посредством церемонии *tokogawashi* брак был ритуально определен как уксорилокальный; до тех пор, пока строился дом в верхнем городе, он был дуолокальным, и в итоге стал неолокальным. При этом все заботы по строительству и обеспечению нового дома взял на себя отец жены. Поэтому его статус покровителя и защитника, а также его возможность передавать право собственности на резиденцию непосредственно дочери, позволяло сохранить высокое влияние на новую семью.

Все это указывает на то, что несмотря на важность матрилинейного родства, женского наследования и уксорилокального брака, сохранялось огромное влияние отцов семейств. И даже если учесть, что эти институты подразумевали наличие матрилинейности, они безусловно не свидетельствовали о матриархате.

Литература

- Леви-Стросс К. (2001) Структурная антропология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс.
- Мурасаки Сикибу (1991 – 1993) Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари): в 4 кн.: пер. с яп. – М.: Наука.
- Пасков С. С. (1987) Япония в раннее средневековье, VII – XII века. Исторические очерки. – М.: Наука.
- Свод законов «Тайхорё» 702 – 718 гг. I – XV законы. – М.: Наука. 1985.
- Свод законов «Тайхорё» 702 – 718 гг. XVI - XXX законы. – М.: Наука, 1985.
- Kenneth G. (2001) A History of Japan: from stone age to superpower. – New York.
- McCullough W.H. (1967) Japanese Marriage Institutions in the Heian Period // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 27. P. 103 - 167
- Obayashi Taryo (1985) Uji Society and Ie Society from Prehistory to Medieval Times // Journal of Japanese Studies, Vol. 11. P.
- Peter Nickerson (1993) The Meaning of Matrilocality. Kinship, Property, and Politics in Mid-Heian // Monumenta Nipponica, Vol. 48, № 4, Winter. P.
- Wakita Haruko (1984) Marriage and Property in Premodern Japan from the Perspective of Women's History // Journal of Japanese Studies, Vol. 10. P.
- William H. And Helen Craig McCullough (1980) A Tale of Flowering Fortunes: Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period, Stanford U.P. P.

Политика в отношении средств массовой информации в Республике Казахстан: этнический аспект

Нупрейчик Евгений Николаевич

Аспирант

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: ennpreichik@yandex.ru

Средства массовой информации являются одним из главнейших инструментов проведения национальной политики и пропаганды межэтнического согласия и толерантности в силу своего решающего влияния на общественное мнение и общественное сознание.

Поэтому каждое государство стремится оградить свое информационное пространство от влияния иностранных масс-медиа. А на современном этапе «новая и приоритетная роль СМИ в условиях устойчивого развития и демократизации казахстанского общества заключается в обеспечении информационной безопасности». В

этом и состоит задача Закона Республики Казахстан «О средствах массовой информации» от 23.07.1999 г. № 451-І. Так, согласно п. 2 ст. 5 данного закона не разрешено «иностранному физическому и юридическому лицам, лицам без гражданства прямо и (или) косвенно владеть, пользоваться, распоряжаться и (или) управлять более 20 процентами акций (долей, паев) юридического лица — собственника средства массовой информации в Республике Казахстан или осуществляющего деятельность в этой сфере». Иностранцы граждане и лица без гражданства также не могут быть главными редакторами СМИ. Достаточно жесткие требования предъявляются к средствам массовой информации в языковой сфере:

«еженедельный объем телевизионных и радиопрограмм средства массовой информации на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках.

-распределение передач на государственном языке в суточной сетке вещания должно осуществляться равномерно в течение всего периода их выхода в эфир.

-ретрансляция теле- и радиопрограмм иностранных средств массовой информации не должна превышать с 1 января 2002 года пятидесяти процентов, с 1 января 2003 года — двадцати процентов от общего объема передач по телерадиовещательным каналам» («О средствах массовой информации», 1999). Поскольку, кроме ретрансляции российского вещания казахстанские телеканалы и радиостанции не работали ни с одной страной, то становится понятно, против каких иностранных масс-медиа был направлен данный документ.

Тем не менее, рынок кабельного телевидения все-таки оставили либеральным и требование не распространили на вещание кабельного и эфирно-кабельного телевидения.

В тоже время, очевидно, руководство республики не было удовлетворено исполнением закона (и, возможно, с «цветными революциями») и в октябре 2006 г. Президент своим указом одобряет Концепцию информационной безопасности РК (Концепция информационной безопасности РК, 2006, С. 129). В ней одними из объектов обеспечения безопасности являются:

-общественное сознание и политическая ориентация различных категорий населения, формируемые под воздействием отечественных и зарубежных средств массовой информации;

-система информирования государственными органами населения об общественно-политических и социально-экономических аспектах жизни страны и формирования общественного мнения». Обратите внимание, как государство взяло на себя заботу по ограждению населения страны от влияния иностранных СМИ.

Согласно уже упомянутым опросам, расширение использования казахского языка в средствах массовой информации отмечают подавляющее большинство респондентов (78,9%). Причем в большей степени данную тенденцию отмечают русские участники опроса (среди них 82,8% считают, что за прошедший год использование казахского языка в СМИ расширилось), а также представители других национальностей (80,6%) (Шаймерденов, 2001, С. 24). Казусно выглядит пример предписания редактору газеты «АИФ – Казахстан» от одного из районных прокуроров Алма-Аты: явиться к нему для объяснения, почему российское издание не печатает материалы на казахском языке (Еремин, 2005, С. 12).

Достаточно весомую и особую роль играют в Казахстане этнические СМИ. О журнале «Достык-Дружба» мы уже упоминали в предыдущей главе. Кроме него выходят еженедельные газеты, издающиеся на четырех языках этнических групп Казахстана – «Украински новини», «Уйгур авазы», «Коре ильбо», «Дойче альгемайне». Выходят так же и телепередачи, транслируемые Национальным каналом «Казахстан» - «Висал», «Ури миндег», «Казахстан им бликпункт», «Достык». В эфире «Казахского радио»

ведется вещание на уйгурском, корейском, украинском и немецком языках. Большую позитивную роль играет ряд телепередач на частных каналах – «Сто народов Казахстана» - например, на «31 канале». В основном все СМИ освещают общественную деятельность диаспор, проживающих в Казахстане, знакомя казахстанцев с обычаями, традициями своего этноса. Это, по мнению З. Азизовой, способствует укреплению внутривосточной стабильности и сохранению межэтнической согласия (Азизова, 2004, С. 22).

Кроме того, под эгидой МАНК на павлодарском областном радио выходит передача «Казахстан – наш общий дом». В рамках этой передачи НКЦ располагают эфирным временем для того, чтобы рассказать о себе, своих планах и идеях (Дела молодых, 2002).

Проанализировав, государственную информационную политику, приходим к выводу о ее двойственности. Во-первых, жесткое отграничение от глобального (и прежде всего, российского) информационного пространства. А во-вторых, финансирование из государственного бюджета развития этнических средств информации. В-третьих, данные средства массовой информации достаточно жестко контролируются государством. В итоге, такая политика в отношении СМИ и пропаганда, по мнению уже упоминавшейся З. Азизовой, должна привести к тому, «что каждый гражданин придет к осознанию своей принадлежности к такой общности, как «казахстанский народ», то есть социально-политической общности представителей различных национальностей, населяющих Казахстан» (Азизова, 2004, С. 22). Думается, комментарии излишни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сфера употребления русского языка в средствах массовой информации искусственно ограничена, что вызывает информационную изоляцию от Российской Федерации (прежде всего для тех категорий граждан, которые не в состоянии оплатить услуги кабельного телевидения).

Литература

- Азизова З. (2004) Роль масс-медиа в формировании этнических процессов в Республике Казахстан // Саясат.- Алматы, № 4
- Дела молодых (2002) // Славяне.- Павлодар, № 1
- Еремин А. (2005) Межнациональные отношения не терпят радикализма // Мысль.- Алматы, № 12
- Концепция информационной безопасности Республики Казахстан. Одобрена Указом Президента Республики Казахстан от 10.10.2006 г. № 199 (2006) // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан.- Астана, № 38 «О средствах массовой информации». Закон Республики Казахстан от 23.07.1999 г. № 451-І [Электронный ресурс]- Режим доступа: [http:// www.medialaw.ru](http://www.medialaw.ru), свободный
- Шаймерденов Е.Ш., Шаукенова З.К. (2001) Языковая ситуация в Республике Казахстан (по данным социологического исследования) // Саясат.- Алматы, № 1.